

Олеся (Ольга) Николаева – поэт, прозаик, эссеист, профессор Литературного института им. Горького, автор более пятидесяти книг. Лауреат многих российских и международных литературных премий, главные из которых – национальная премия «Поэт», Патриаршей литературной премии, Премии Правительства РФ по литературе и др. Родилась в Москве, закончила Литературный институт им. Горького, где с 1989 года ведёт семинар поэзии.

Олеся Николаева **г. Москва**

На свет оранжевый я вышла из потёмок,
На свет сиреневый – оттуда, где ни зги.
Из перепонок сумрачных, постромок
Пытаюсь выбраться, но как они туги!

И до сих пор, как будто в оболочках
И в тёмных пеленах, и в отсветах луны,
И в грозных всполохах, и в молниях, и точках
Мне люди видятся – смутны, изъязвлены.

Мрачны, подавлены... С тенями под глазами,
с лиловой жилкою, в туманной полосе...
А череп Йорика – глумится, что ль, над нами?
Все кошки серые, и мясо ели все.

Я так бы думала и умерла бы в этом:
Что если свет во мне – не есть ли это тьма?
Пока с нездешним несказанным Светом
Душа не встретилась, ум не сошёл с ума,

Не просветлела тьма, и плодovита
Не стала Сарра, не спустился рай...
Жизнь многорука. Смерть многоочита.
Один из Сиринов о том писал открыто:
«Рождаясь в смерть, для жизни умирай».

Собеседники

Тот пьёт из копытца – забудем его,
а этот, покуда не спится,
как книгу, листает себя самого,
зевая на каждой странице.

К чему – только время такой украдёт –
входить в разговор с этим, чтобы
с томлением слушать, куда заведёт
нас в сказке бычок белолобый?

Нет, лучше я с вами, монахи-отцы,
витии, пииты, герои,
по бурным пучинам сознания пловцы.
Куда мы? В словесную Трюю!

А нет, я тогда на ступеньке кривой
усядусь, и мой потаковник
откликнется сразу – колючий, живой,
податливый ветру шиповник.

Объяснение

За туманною эмалью,
приезжая в Петербург,
я работаю печалью, точно скальпелем – хирург.
Мне не верят – справа-слева
вопрошая: как дела?

Ведь моя игрой напева
речь беспечно-весела.

Прямодушно и секретно
отсекаю наголо
всё, что донимало тщетно
и сухим песком секло.
Отрезаю тени – ночью
змей являлся семиглав,
чтоб мои узреть воочью
слёзы жалкие в рукав.

Отрубая: ветер-пленник
в трубах воет, сердце рвёт,
супостату друг-изменник
отпирает чёрный ход.
И теперь, когда за дом лишь
заверну, - он там же? Да!
Я скажу тебе – ты помнишь?
Что ж наделал ты тогда?

Для чего? За что? За злую
ревность или, чтоб, как тать,
твою вольность молодую
я не смела воровать?
Все сказать теперь возможно,
прибавляя куражу,
горячась неосторожно.
Так сказать ли?
Не скажу!

Как аппендикс безъязыкий
и как руку, и как зрак,
вырезаю стыд великий
за лукавый твой зигзаг.

...Наглотавшимся густого
меда, яда, клея, снов,
разве хочется простого
объяснения сложных снов?

День

День заканчивается – дыхание перевести, поставить тире,
паузу взять, темноту заспать, тяжело перевалить за край
и восстать наутро, и произнести:

- Я опять в игре!

Я - «на новеньких»! Заново начинай!

Пусть в прологе там будет побежденная гаснущая Луна,
а затем – свежий свет, новый сюжет, и чтоб
начинался он с «жили-были», «однажды»,
«в некие времена»,
«в некотором Царстве» – и вот уже хронотоп.

День – отдельный рассказ, развернутый, как плато.

Чёрная точка в конце. Пир и мед по усам.

Можно порой поставить и восклицательный знак, а то –
знак вопросительный иль многоточие: догадайся сам.

Там – то нестройные мысли устраивают кавардак,
то весна для радости посылает предлог,
друг появляется на пороге, злоречивый враг
на себя опрокидывает собственные проклятья, как кипяток.

Или всё нараспашку: гомон, белый шум, хлопоты,
колготня,
и тут же – грозные тени той, проходящей мимо, с косой.
Все это будет записано на шершавом пергаменте дня
водяными знаками, невидимыми чернилами,
небесной росой.

Или безмолвие впитывает в себя все звуки,
истинный интроверт,
смешивает их за дверью закрытой,
как аптекарь – гомеопат,
и ближе к ночи такой выдает концерт,
как будто его носитель мирами, как Крез, богат.

День себя пишет сам, покуда сонный дурман
лишнее не сотрет, пририсует своё, добавит того-сего.
Глядь – а рассказ разрастается в повесть,
а повесть – в целый роман,
в сагу семейную, в национальный эпос времени своего.

Империя

«С миром державным...»

Осип Мандельштам

С миром державный я связана кровно, стожильно.
Крылья раскрыл надо мною орел мой двуглавый.
Бабка – с Кубани, а немка-прабабка – из Вильно.
Прадед-полковник жену себе взял под Варшавой.

Певчее ходит пространство – налево, направо.
В русский вплетает мотивчики – польский, немецкий.
Неколебимы в когтях этих скипетр и держава -
сила и слава властей – и духовной, и светской.

Ах, не по-детски раскинулась ширь, взлетая,
ухнет оттуда, цепляя уральские цацки,
чтобы вздремнуть где-нибудь на плече у Алтая,
и до Японского моря шагнуть по-солдатски...

Вот почему здесь пространство главенствует. Время
в соснах запуталось или распалось на споры...

Всё наше – с нами, и мы здесь навеки – со всеми:
с мёртвыми мы продолжаем молитвы и споры.

Все принесем к алтарю мы, не веря чужбине -
свечи, и слёзы, и кровь, и, скрепив поцелуем,
шлём покаяние Матушке Екатерине:
«Все мы профукали, смерды, но всё отвоюем!».

К небу простер Патриарх указующий палец.
Божий Помазанник отдал кресту целованье.
И уверяет двуглавый, что каждый скиталец
время предаст, обретая и путь, и призванье.

Крест и корона. Всё царственное и земное
держится небом, а небо глядит, как из грязи
рвется душа, очищаясь от скверны и гноя,
с Царством Небесным и с миром державным на связи.

В глазах как будто дым плывёт,
и в жилах кровь кипит,
и птица Сирий не поёт –
клокочет и хрипит.
Нет, не поёт, а говорит,
ветрами шевеля:
- Там русская земля горит!
Горит твоя земля!

Всмотрись, закрыв глаза: вокруг
сквозь сумрака сумбур
чернеют очертанья рук
и контуры фигур.
Как будто молят: умири
качнувшийся отвес -
войну, которая внутри,
ниспавшую с небес.

Здесь бес над ангельским пером
глумится, сея тьму,
но небо лунным серебром
глаза слепит ему.

И Ангел, выходя вперед,
с размаха бьёт в кимвал,
глаголя:

- Это мой народ,
Господь его мне дал!

Его водить, его хранить
поручено мне впредь,
пусть узок путь его, как нить,
и тесен день, как клеть.
Звучи, кимвал! И пусть не спит
мозг, сердце утоля:

- Там русская земля горит,
горит моя земля!

Переяславская рада

Вы, полковники, сотники, есаулы, пане-панове,
все Запорожское войско, утвержденное в Слове;
вы, для кого родная земля, что кровавая рана,
слушайте все Богдана!

Тут Богдан переводит дыханье, жаром горя:

- Братие, невозможно нам далее без Царя!

Для того-то торжественного избрания учиняем Раду,
ибо четверо претендентов у нас уже было кряду.

Первый - султан Турецкий, царь басурманский,
эллинов притеснитель,
второй – хан Крымский, кощунник,
христианской веры хулитель,
третий – круль Польский, еретические тары-бары,
(даже колпак турецкий лучше латинской тиары).

И наконец – четвертый: лицом не ударим в грязь –
Русский Царь Алексей Михалыч, великий Князь.
Веру хранит отеческую благоговейно, строго,
нет над ним никого, окромя Единого Бога,
у Которого даже мертвые живы и никакая жертва – не зря!

И закричали все:
- Этого выбираем Царя!

Гаркнули так полковники, сотники, есаулы,
все Запорожское войско – аж занули скулы.
Поперхнулся латинский ксендз,
крымский хан заухал совой,
и качнулся в небе мусульманский месяц кривой.
А казаки всё громче, резче, состязаясь в звуке, борзясь:
- Правь, Алексей Михалыч, нами,
Русский царь и Великий Князь!
Все мы опутаны здесь лукавыми бреднями,
туманными снами,
аки сироты, аки бесхозные овцы, так встань над нами!
Упаси нас жезлом железным,
призывом отеческим вдохнови:
присягаем тебе на Кресте, на Священной Книге и
на Христовой крови!
Чаянья наши не презри, склоненные головы не отринь.

И тут как будто бы гром небесный:
- Воля ваша, аминь.

Аминь.

Слышишь, что Самуил говорит Саулу?
«Послушание выше жертвы, ценнее тука.
Вот и небо уже паруса надуло,
чтоб летела по ветру твоя фелука.

А непокорность суетна и безлика,
Волшебству сродни. чародейству и волхованью
Будто б сам себе ты отец, и сын, и владыка,
Руки свои к губам тянешь для целованья.

Будешь платить судьбой этому своеволью,
И бессмертьем души – пагубе и разгулу.
Ляжешь бесплодной землей. несоленой солью...» –
Именно так Самуил говорит Саулу.

Но перечит ему вкрадчивый ангел падший:
- Поиграй со мною, Саул, сколько душе угодно,
Погуляй, покружись по ветру, как лист увядший,
полетай и падай, падай – медленно и свободно.